

Министерство образования и науки Российской Федерации
государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева»
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания

Огородникова Алина Васильевна
МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Явления интертекстуальности в романах Б.Акунина
Направление 440401 Педагогическое образование
Магистерская программа Языковое образование

Допущена к защите
Заведующий кафедрой
к.филол.н. Мамаева Т.В.
(ученая степень,ученое звание, фамилия, инициалы)

(дата, подпись)

Руководитель магистерской программы
д.филол.н., профессор Васильева С.П.
(ученая степень,ученое звание, фамилия, инициалы)

(дата, подпись)

Научный руководитель
д.филол.н., профессор Васильев А.Д.
(ученая степень,ученое звание, фамилия, инициалы)

(дата, подпись)

Студент
Огородникова А.В.

(дата, подпись)

Красноярск 2015

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
I. ПРОБЛЕМА МЕЖТЕКСТОВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ..	6
1.1. ГЕНЕЗИС ИНТЕРТЕКСТА. КОНЦЕПЦИИ МЕЖТЕКСТОВЫХ СВЯЗЕЙ	6
1.2. ТИПОЛОГИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ И СВЯЗЕЙ	14
1.3. ФУНКЦИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	19
1.4. ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ	24
1.5. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В ЛИНГВИСТИКЕ: ВЫБОР ПОДХОДА.....	26
II. ТИПЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В РОМАНЕ Б. АКУНИНА «ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ»	30
III. ФЕНОМЕНЫ СМЫСЛОВОЙ СООТНЕСЕННОСТИ НАЗВАНИЙ И ТЕКСТА СООТВЕТСТВУЮЩИХ ГЛАВ В РОМАНЕ Б. АКУНИНА "ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ".....	39
IV. ФУНКЦИИ ИНТЕРТЕКСТА В РОМАНЕ "ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ".....	47
V. АКТУАЛИЗАЦИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В РОМАНЕ Б. АКУНИНА "АЛМАЗНАЯ КОЛЕСНИЦА"	50
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	54
Приложение 1. ВНЕКЛАССНЫЙ УРОК-ЛЕКЦИЯ ПО ТЕМЕ "ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ"	56
Список используемой литературы	64

ВВЕДЕНИЕ

Для современной филологии проблема интертекстуальности является сложной и одновременно дискуссионной. Настоящая проблема обращена ко всем филологическим субдисциплинам, таким как лингвистика и литературоведение, а также к смежным с филологией специальностям, которые направлены на изучение культурных объектов.

Проблема интертекстуальности вызывает интерес некоторыми обстоятельствами. Первое: интертекстуальность – одна из важнейших сторон текстопостроения в современной литературе постмодернизма (хотя проблематика интертекстуальности не ограничивается только проблематикой художественной словесности) и, как таковая, она представляется естественным предметом изучения всех дисциплин, обращенных к этому современному художественному явлению. Второе: такие сложные комплексные проблемы, как проблемы интертекстуальности, могут решаться только совместными усилиями представителей различных дисциплин филологического цикла, преимущественно – усилиями литературоведов, и особенно лингвистов.

По мнению Н.А.Фатеевой, интертекстуальность, бывшая до XX века лишь одним из многих литературных приемов, превращается в XX веке в «общекомпозиционный принцип», а сама литература «все более становится не литературой о жизни, а литературой о литературе» [Фатеева 1997:18]. Говоря об «интертекстуальности», Н.А. Фатеева выделяет две ее стороны – авторскую и читательскую. Под авторской интертекстуальностью исследователь подразумевает «способ генезиса собственного текста и постулирование собственного поэтического «Я» через сложную систему отношений оппозиций, идентификации и маскировки с текстами других авторов». Под читательской – «установку на более углубленное понимание

текста или разрешение непонимания текста за счет установления многомерных связей с другими текстами» [Там же: 12].

Но, несмотря на различные определения, этот термин обладает несложной внутренней структурой, которая способствует пониманию самого слова: лат. *inter* (приставка) – «между», лат. *intertextum* (форма супина) – «вплетенное вовнутрь». Таким образом, интертекстуальность можно трактовать как связь между двумя художественными текстами, принадлежащими разным авторам и во временном отношении определяемыми как более ранний и более поздний.

Данная работа посвящена изучению явлений интертекстуальности в романах Б.Акунина «Внеклассное чтение» и «Алмазная колесница».

Актуальность данной проблемы продиктована тем, что подробные исследования подобного характера исключительно на материале романов Б.Акунина «Внеклассное чтение» и «Алмазная колесница» не проводились.

Цель работы – изучить проблему интертекстуальности и рассмотреть характер интертекстуальных взаимодействий в произведениях Б. Акунина «Внеклассное чтение» и «Алмазная колесница».

Для достижения данной цели были определены следующие **задачи**:

1. Рассмотреть интертекстуальность как лингвистическую проблему.
2. Выявить использованные Б. Акуниным интертексты в романах.
3. Классифицировать выявленные интертексты по принципу их источника.
4. Рассмотреть феномены смысловой соотнесенности названий и текста соответствующих глав в романе Б.Акунина «Внеклассное чтение».
5. Рассмотреть способы актуализации интертекстов в романе «Алмазная колесница».
6. Определить функции интертекстуальности.

Степень изученности данной проблемы: в отечественной традиции понятие интертекстуальности восходит к работам М.М.Бахтина, в западных исследованиях к научному творчеству Р.Барта. М.М.Бахтин писал о принципиальной диалогичности гуманитарного мышления, одним из основных тезисов концепции Р.Барта является тезис о раскрытости текста в бесконечность. Ю.Н. Караулов ввел понятие «прецедентный текст», Ю. М. Лотман уделяет большое внимание проблеме отношения текста к культурному контексту, Ю.Кристева вводит термин «интертекстуальность», в работах Н.А. Фатеевой выявлены функции и типология интертекстуальных элементов и связей, в работе Ю.П. Солодуб рассматривается интертекстуальность как лингвистическая проблема, в работе А.Е. Супруна выявлены основные источники интертекста.

Объект изучения: интертекстуальность как лингвистическая проблема.

Предмет изучения: явления интертекстуальности в романах Б.Акунина «Внеклассное чтение» и «Алмазная колесница».

Материалом для исследования послужили романы Б.Акунина «Внеклассное чтение» и «Алмазная колесница».

Методы и приемы: метод сплошной выборки, описательный метод, прием семантического и контекстного анализа.

Научная и практическая значимость: материалы магистерской диссертации могут быть использованы при дальнейшей разработке проблемы текста и дискурса как в лингвистическом, так и в литературоведческом аспектах. Материалы можно использовать на спецкурсах и спецсеминарах по русскому языку и литературе.

Структура работы. Магистерская диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

I. Проблема межтекстовых взаимодействий в современной лингвистике

1.1. Генезис интертекста. Концепции межтекстовых связей

Проблема межтекстовых взаимодействий давно привлекает внимание литературоведов и лингвистов. Данная проблема является актуальной в работах Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Деррида, М. Риффатера, Г. Блума, И. Смирнова, И. Ильина.

Интертекст – термин, введенный в 1967 году теоретиком постструктурализма Ю. Кристевой, стал одним из основных в анализе художественного произведения постмодернизма. Кристева сформулировала свою концепцию интертекстуальности на основе переосмысления работы М. Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924 г.), где автор, описывая диалектику существования литературы, отметил, что, помимо данной художнику действительности, он имеет дело также с предшествующей и современной ему литературой, с которой он находится в постоянном «диалоге», понимаемом как борьба писателя с существующими литературными формами [Бахтин 1986: 367]. Развивая идею М. Бахтина о постоянном диалоге автора с предшествующей и современной ему литературой, Ю. Кристева выделяет три измерения текстового пространства: субъект письма, получатель и внеположные им тексты. Данные три ступени находятся в состоянии диалога. Статус слова определяется двойственно: горизонтально (слово в тексте одновременно принадлежит субъекту письма и получателю) и вертикально (слово в тексте ориентировано по отношению к совокупности других литературных текстов). Подводя итог, Ю.Кристева отмечает, что горизонтальная ось (субъект-получатель) и вертикальная ось (текст-контекст) совпадают, отсюда «всякое слово (текст) есть такое пересечение двух слов

(текстов), где можно прочесть по меньшей мере еще одно слово (текст)» [Кристева 1995: 99].

Идеи Бахтина нашли свое продолжение в трудах Ю.М. Лотмана и его школы. Ю.М. Лотману принадлежит идея памяти культуры, причем взаимодействие памяти культуры и ее саморефлексии «строится как постоянный диалог», при котором «некоторые тексты из хронологически более ранних пластов вносятся в культуру, взаимодействуя с ее современными механизмами» [Лотман 1999: 385].

Ю.М. Лотман в своей работе «Текст в тексте» вводит понятие «текста-кода» (промежуточное звено между языком и текстами), который может быть образцом. Будучи перемещенным в инородный контекст, текст-код оказывается уже «текстом в тексте». Ю.М. Лотман определяет «текст в тексте» как «специфическое риторическое построение, при котором различие в закодированности разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста» [Лотман 1992: 155].

Концепция интертекстуальности тесно связана со «смертью субъекта», о которой возвестил М. Фуко, и провозглашенной затем Р. Бартом «смертью автора». По мнению исследователя Р. Барта, любой текст соткан из цитат, отсылок, отзвуков, и, следовательно, «всякий текст есть междутекст по отношению к какому-то другому тексту» [Барт 1994: 418].

Каноническую формулировку понятиям интертекстуальность и «интертекст» дал Р. Барт: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. — все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и

вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [Барт 1989: 417].

Современная лингвистика представляет ряд терминов, определяющих межтекстовые взаимодействия. Наиболее распространенные получили такие термины, как «интертекстуальность» и «прецедентный текст». Оба термина представляют собой некие родовые понятия, наиболее общие обозначения для множества типов реализаций межтекстовых связей.

Ю.Н.Караулов в работе «Русский язык и языковая личность» ввел понятие «прецедентный текст», под которым подразумевает текст, удовлетворяющий определенным условиям. Во-первых, текст должен быть значим для какой-либо личности в познавательном и эмоциональном отношениях. Во-вторых, он должен носить сверхличностный характер. И, в-третьих, необходимо, чтобы обращение к таким текстам возобновлялось неоднократно в дискурсе данной языковой личности (см об этом: [Караулов 1987: 216]). Ю. Караулов выделяет несколько вариантов существования и обращения прецедентных текстов в обществе: 1. Натуральный способ, при котором текст в первоизданном виде доходит до читателя как прямой объект восприятия, понимания, рефлексии. 2. Способ, предполагающий либо трансформацию исходного текста в иной вид искусства, либо вторичные размышления по поводу исходного текста. 3. Семиотический способ, при котором обращение к оригинальному тексту дается намеком, отсылкой, признаком [Там же: 217].

По мнению Ю. Караулова, прецедентный текст может актуализироваться в коммуникативном пространстве в виде цитаты, заглавия, имени персонажа и имени автора, а знание прецедентных текстов - признак принадлежности языковой личности к данной эпохе и ее культуре.

А.К. Жолковский в работе «Блуждающие сны» определяет интертекстуальность как «отсылку от одного текста к другому» [Жолковский 1994: 14]. Автор сводит данное явление к цитации, выделяя три типа: «нормальную», биографическую и структурную.

В своей работе «Проблемы интертекстуальности» И.В. Арнольд под интертекстуальностью подразумевает «присутствие в тексте более или менее маркированных следов других текстов в виде цитат, аллюзий или целых вводных рассказов», а также «диалог между литературными текстами», при этом текст – всякое художественное произведение, все ценности культуры [Арнольд 1992: 53]. Рассматривая понятие интертекстуальности, исследователь выделяет языковую мозаичность текста и текстовую мозаичность. Языковая мозаичность – это «включение в нейтральную языковую ткань элементов, принадлежащих к разным функциональным стилям». В текстовой мозаичности И.В. Арнольд выделяет главные компоненты, такие как реминисценции, аллюзии, цитаты и целые интексты [Там же: 54]. Исследователем отмечено, что интертекстуальность может быть внешней, когда «второй текст припоминается читателем как в чем-то похожий на то, что он читает, и создающий дополнительные смыслы, но в первый текст не включается», и внутренней, где один текст или фрагмент текста включается в другой [Там же: 56].

Подробно проблема интертекстуальности разрабатывается в работах Н.А.Фатеевой. В работе «Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе» исследователь разграничивает читательскую и авторскую интертекстуальность. Читательская интертекстуальность – «это установка на более углубленное понимание текста или разрешение непонимания текстовых аномалий за счет установления многомерных связей с другими текстами» [Фатеева 1997: 12]. По аналогии с интертекстуальностью можно говорить об «автотекстуальности», «когда непонимание разрешается за счет установления многомерных связей,

порождаемых определенной циркуляцией интертекстуальных элементов внутри одного и того же текста» [Там же: 12]. Авторская интертекстуальность подразумевает «способ генезиса собственного текста и постулирования собственного поэтического «Я» через сложную систему отношений оппозиций, идентификаций и маскировки с текстами других авторов» [Там же: 13]. Подобно можно говорить об «автотекстуальности», где при создании нового текста система оппозиций действует уже в структуре идиолекта определенного автора, создавая многомерность его «Я». Н.А. Фатеева отмечает, что благодаря авторской интертекстуальности все пространство поэтической и культурной памяти вводится в структуру вновь создаваемого текста как смыслообразующий элемент, и таким образом литературная традиция идет не из прошлого в настоящее, а из настоящего в прошлое. Подобное восприятие интертекстуальности соотносится с идеей культурного диалога М.М. Бахтина.

Н.А. Кузьмина выдвинула гипотезу об интертекстуальности как о критерии эстетической ценности текста. В работе «Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка» автор отмечает, что если произведение не обладает указанным свойством, то оно не имеет шансов войти в литературу. По мнению Н.А. Кузьминой, под интертекстом следует понимать «явление языка в его креативной функции, обеспечивающее способность языка не только адекватно передавать сообщения, но и создавать новые сообщения (тексты), непредсказуемые по автоматическим алгоритмам» [Кузьмина 1999: 21]. Креативная функция соотносится с историей текстов или, иначе говоря, историей интертекста. Автор уделяет значительное внимание аспекту художественного перевода, который рассматривается как интертекстуальный феномен. Н.А. Кузьмина считает, что перевод – это создание художественного произведения, который живет по законам интертекста.

Е.Е. Бразговская в работе «Текст в пространстве культуры» говорит о том, что любой текст должен рассматриваться на фоне окружающего культурного пространства, т.е. на фоне других текстов. При этом все культурное пространство представляет собой единый мегатекст культуры, знаки которого входят в конкретные тексты и осуществляют межтекстовое общение. Е.Е. Бразговская определяет интертекстуальность как «отношение текста к другим текстам, отношение текста как знака своего значения к другим текстам как знакам своих значений» [Бразговская 2001: 5]. По мнению исследователя, тексты всегда говорят о других текстах, включая их через знаки интертекстуальности в свое семантическое пространство. Таким образом, текст живет «как эхо других текстов, как зеркало, в котором они отражаются» [Там же: 5].

Е.Е. Бразговская расширяет границы интертекстуального анализа, подчеркивая, что с этих позиций должен рассматриваться не только литературный текст, но и «любой текст искусства музыкальный, архитектурный, живописный, пластический», так как они все «имеют знаковый характер, существуют в едином культурном пространстве человечества, могут называться текстами культуры и интерпретироваться с точки зрения интертекстуальности» [Там же: 6].

Существует круг лингвистов, которые не используют термины «интертекстуальность» и «прецедентный текст». В работах таких ученых как А.Е. Супрун, З.Г. Минц, Е.А. Земская доминирует терминология другого типа.

А.Е. Супрун в статье «Текстовые реминисценции как языковое явление» ввел понятие «текстовые реминисценции». Исследователь определяет это понятие как «осознанные или неосознанные, точные или преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста» [Супрун 1995: 17]. По мнению А.Е. Супруна, текстовые реминисценции могут представлять

собой цитаты, «крылатые слова», отдельные определенным образом окрашенные слова, имена персонажей, названия произведений, имена их авторов, особые коннотации слов и выражений, прямые или косвенные напоминания о ситуациях. Автор статьи отмечает, что текстовые реминисценции находятся на грани индивидуального и социального в системе языка и его использовании. По словам исследователя, для возникновения и функционирования текстовых реминисценций важно, чтобы они не ограничивались памятью адресанта, желательно, чтобы они вызывали соответствующий отклик у адресата. А.Е. Супрун вводит в круг источников текстовых реминисценций «всё то, читали (видели, слышали) все (или по крайней мере – многие)» [Супрун 1995: 25].

З.Г. Минц в статье «Функция реминисценций в поэтике А. Блока» использует термин «реминисценция», отождествляя его с понятием «цитата». В данной статье проблема цитаты в художественном тексте рассматривается как часть проблемы «чужого слова», при этом «чужое слово» мыслится как высказывание другого субъекта. По словам З.Г. Минц, если «чужое слово» воспринимается как представитель какого-либо текста, то перед нами цитата. Поэтому цитата всегда берется из текста на том или ином «вторичном» языке (языке литературы, науки, публицистики). Другие же виды «чужого слова» соотносятся с речью на каком-либо естественном языке и связаны со стилевыми, социальными и другими его разновидностями. Таким образом, цитаты являются «отсылками к разным уровням контекста культурного» и «знаками других текстов, то есть любым видом его замещения» [Минц 1973: 394]. По мнению исследователя, в этом проявляется отнесенность цитаты не к естественному языку, а к «вторичному» языку культуры.

Е.А. Земская в статье «Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества» использует термин «цитация», который отождествляет с созданием конструкций «текст в тексте», ссылаясь при этом на Ю.М. Лотмана. Исследователь утверждает, что «подобные включенные

тексты могут быть названы «прецедентными текстами», так как они хорошо известны широкому кругу лиц, обладают свойством повторяемости в разных текстах» [Земская 1996: 24].

Таким образом, изучение проблемы межтекстовых взаимодействий восходит к работам Ю.М. Лотмана и М.М. Бахтина, ее освещают в своих работах современные исследователи, она претерпевает ряд изменений, со временем меняется ее содержание и сущность. Данная проблема не получила однозначного решения: не создана единая концепция межтекстовых связей, учитывающая все условия, выдвигаемые исследователями.

Значение концепции интертекстуальности выходит далеко за рамки чисто теоретического осмысления современного культурного процесса, поскольку она ответила на глубинный запрос мировой культуры XX столетия с его явной или неявной тягой к духовной интеграции. Приобретя необыкновенную популярность в мире искусства, она, как никакая другая категория, оказала влияние на саму художественную практику, на самосознание современного художника слова.

1.2. Типология интертекстуальных элементов и связей

Интертекстуальность изучается уже несколько десятилетий, тем не менее, классификация интертекстуальных элементов и связывающих их межтекстовых связей по-прежнему остаётся дискуссионным вопросом.

З.Г. Минц в работе «Функции реминисценций в поэтике А. Блока» представляет следующую типологию межтекстовых связей:

1) «цитаты в собственном смысле – точно воспроизведенные отрывки «чужого текста»;

2) перефразировки «текста-источника»;

3) сокращенные знаки-указания на тот или иной «чужой текст», в каждом из которых в свернутом виде заключен и их «текст-источник» [Минц 1973: 393]. Последний пункт делится еще на несколько подпунктов:

а) «имена (речь идет не только о собственных именах героев, но и вообще о «всех именах художественного текста»);

б) художественные предикаты (слова и словосочетания, указывающие на сюжетные или иные отношения между «именами художественного текста»);

в) атрибуты (перенос из какого-то текста любых признаков имен);

г) «мифемы» (вся сюжетная ситуация в свернутом виде) [Там же: 394].

Н.А. Фатеева отмечает, что П.Х. Тороп в статье «Проблема интекста» предлагает считать любой акт соотнесения текстовых элементов метакоммуникацией. В ее процессе создаются метатексты – первичный текст выступает в качестве прототекста, на основе которого создан новый текст. По словам исследователя, для интерпретации языкового выражения, связывающего данный текст с другим текстом, необходимо выявить его функцию в данном тексте и фиксировать актуальную связь с исходным текстом, то есть определить его толкование при помощи исходного текста. П.Х. Тороп утверждает, что «текст, представленный какой-либо своей частью в другом тексте, становится тем самым описывающим текстом,

метатекстом» (цит. по: [Фатеева 1998: 26]). Н.А. Фатеева говорит о том, что П.Х. Тороп в своей статье «Проблема интекста» вводит понятие «интекста» - семантически насыщенной части текста, смысл и функция которой определяется двойным описанием. В классификации интекстов исследователь принимает во внимание способ примыкания метатекста к прототексту (утвердительный или полемический), уровень примыкания (явный или скрытый), а также фрагментарность или целостность примыкающего текста.

Следующая наиболее общая классификация принадлежит Ж. Женетту. По данным Н.А. Фатеевой, Ж. Женетт в книге «Палимпсесты: литература во второй степени» представляет пятичленную классификацию разных типов взаимодействия текстов:

«интертекстуальность как «соприсутствие» в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат);

паратекстуальность как отношение текста к своему заглавию, послесловию, эпиграфу;

метатекстуальность как комментирующая и часто критическая ссылка на свой предтекст;

гипертекстуальность как осмеяние или пародирование одним текстом другого;

архитекстуальность, или жанровая связь текстов» (цит. по: [Фатеева 1998: 26]).

Данные классификации носят довольно общий характер и не учитывают всевозможных комбинаций дифференциальных признаков межтекстовых взаимодействий.

Опираясь на уже существующие классификации, Н.А. Фатеева в работе «Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи» описывает особые случаи межтекстовых взаимодействий как в рамках ранее существующих систем, так и за их пределами. В работе исследователя

типологически выделены VI основных классов интертекстуальных элементов:

«Собственно интертекстуальность, образующая конструкции «текст в тексте»:

Цитаты:

а) цитаты с атрибуцией (а) цитаты с точной атрибуцией и тождественным воспроизведением образца; б) цитаты с точной атрибуцией, но не тождественным воспроизведением образца (в этом случае может происходить сокращение исходного текста, изменение порядка слов и грамматических категорий; в) атрибутированные переводные цитаты (могут раскрываться отсылкой автора в тексте примечаний или комментария, тогда из собственного текста они вводятся в ранг метатекста);

б) цитаты без атрибуции.

2. Аллюзии, по определению Н.А. Фатеевой, – заимствование определенных элементов предтекста, по которым происходит их узнавание в тексте – реципиенте, где и осуществляется их предикация [Фатеева 1998: 28].

а) аллюзии с атрибуцией;

б) неатрибутивные аллюзии.

3. Центонные тексты (представляют целый ряд аллюзий и цитат, но не введение отдельных «интертекстов», а создание некоего языка иносказания, внутри которого семантические связи определяются литературными ассоциациями).

II. Паратекстуальность, или отношение текста к своему заглавию, эпиграфу, послесловию:

1) цитаты-заглавия;

2) эпиграфы.

III. Метатекстуальность как пересказ и комментирующая ссылка на предтекст (конструкции «текст в тексте»):

1) интертекст-пересказ;

- 2) вариации на тему предтекста;
- 3) дописывание «чужого» текста (обработка и окончание «чужого» текста, перенесение героев, композиционной схемы и манеры изложения известного произведения в контекст нового времени);
- 4) языковая игра с предтекстами (интертекстуальная игра может вестись на заглавии и на ключевых словах текста).

IV. Гипертекстуальность как осмеяние или пародирование одним текстом другого (цитата, аллюзия, аллюзивные заглавия и имена собственные, пересказ, интертекстуальная игра).

V. Архитекстуальность как жанровая связь текстов.

VI. Интертекст как троп или стилистическая фигура (сравнение, звукопись, эпитеты)» [Фатеева 1998: 26].

Таким образом, основой данной классификации являются классы интертекстуальных отношений, отмеченные Ж. Женеттом, а принципы, выдвинутые П.Х. Торопом (выделение уровней и способов примыкания), становятся точкой отсчета для таких категорий, как атрибутированность-неатрибутированность заимствованного текста или его части, явный или скрытый характер атрибуции, способ и объем представления исходного текста в тексте-реципиенте.

Е.Е. Бразговская в работе «Текст в пространстве культуры» отмечает, что любой знак, являющийся представителем другого текста, требует интерпретации. Подобные знаки должны обладать свойством повторяемости в ряде текстов, так как знаки без повторяемости не могут считаться знаками, поскольку не обладают информационным пространством. Исследователь выделяет следующие типы интертекстуальных знаков:

- 1) «символы;
- 2) включенные в текст цитаты, аллюзии, имена собственные, принадлежащие другим текстам;
- 3) терминологическая лексика других видов искусств;

4) читательские ассоциации на данный текст, не предусмотренные автором;

5) стилевые влияния, оказываемые другими текстами на данный;

6) элементы фонового значения – ассоциации, имеющие специфический национально-культурный характер» [Бразговская 2001: 6].

Продолжая мысль Л.Н. Мурзина, Е.Е. Бразговская говорит о том, что, интерпретируя эти знаки, мы описываем отношения текста к другим текстам, включаем его в семиотическое пространство культуры, тем самым даем тексту жизнь.

1.3. Функции интертекстуальности в художественном тексте

Анализируя тексты художественных произведений разных авторов, можно выделить главные тексты при установлении интертекстуальных связей. Они указывают исследователю на интертекстуальные отношения между текстами, в которых стилевая задача выражена слабее. Таким образом, можно выделить функции интертекста в художественном тексте.

А.Е. Супрун в своей работе «Текстовые реминисценции как языковое явление» считает, что использование текстовых реминисценций служит постоянному обновлению, обогащению, расширению коммуникативных возможностей языка. Автор статьи также отмечает, что в функциональном плане текстовые реминисценции используются для осуществления следующих задач:

- 1) для наиболее четкой, соответствующей замыслу передачи некоторого фрагмента сообщения с опорой на предшествующий словесный опыт;
- 2) ссылка на авторитет как своего рода подтверждение правильности высказываемой мысли, как указание на ее источник;
- 3) поместить тот или иной факт, о котором идет речь в тексте, в историческую перспективу, в вертикальный контекст (см. об этом: [Супрун 1995: 27]).

По мнению А.Е. Супруна, появление текстовых реминисценций в тексте связано с желанием адресанта использовать некий уже имеющийся образ в новом, не претендующем на оригинальную образность сообщении, оживляя тем самым текст.

Е.А. Земская в работе «Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества», определяя функции интертекста, акцентирует внимание на функции пародирования, ёрнического использования каких-либо клише. Автор статьи отмечает, что цитата – особенно

трансформированная – способствует возникновению ситуации языковой игры.

В работе «Литературные цитаты в рассказе А.П. Чехова «Ведьма» Е.В. Джанджакова выделяет две группы литературных цитат по функции, которую они выполняют. Одни цитаты с локальным характером, которые могут оставаться на уровне характерологического средства (характеристика эпохи, среды, уровня образованности персонажа), другие сопоставляют данный текст с источником, что позволяет им участвовать в развитии нового сюжета [Джанджакова 1996: 256].

Н.А. Фатеева в своей работе «Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе» выделила следующие функции интертекста. Исследователь отмечает, что интертекст «позволяет ввести в свой текст некоторую мысль или конкретную форму представления мысли, объектированную до существования данного текста как целого» [Фатеева 1997: 19]. Отсюда следует, что каждое произведение выстраивает свое интертекстуальное поле, создает собственную историю культуры. Межтекстовые связи создают вертикальный контекст произведения, в связи с чем он приобретает неоднородность смысла. Следовательно, мы можем говорить о том, что интертекст, порождая конструкции «текст в тексте» и «текст о тексте», создает подобие тропеических отношений на уровне текста. Таким образом, Н.А. Фатеева говорит о «конструктивной, текстопорождающей функции интертекстуальности» [Там же: 20]. По мнению исследователя, функции интертекста в каждом тексте определяются исключительно через «Я» его автора, поскольку введение интертекстуального отношения – это попытка метатекстового переосмысления предтекста с целью извлечения нового смысла «своего» текста. Степень приращения смысла в этом случае и является показателем художественности интертекстуальной фигуры.

Г. Денисова в работе «Интертекстуальность и семиотика перевода: возможности и способы передачи интекста» выделяет следующие функции интертекстуальных элементов:

- 1) «расширение временных рамок и культурного пространства текста;
- 2) создание предпосылок для возникновения многообразных ассоциаций;
- 3) средство выражения оценки;
- 4) средство усиления аргументации;
- 5) создание иронии и комического эффекта» [Денисова 2001: 81].

Таким образом, исследователь подчеркивает полифункциональность метатекстовых элементов.

Интертекстуальные ссылки в любом виде текста способны к выполнению различных функций из классической модели функций языка, предложенной в 1960 Р. Якобсоном.

1. Экспрессивная функция интертекста проявляется в той мере, в какой автор текста посредством интертекстуальных ссылок сообщает о своих культурно-семиотических ориентирах, а в ряде случаев и о прагматических установках: тексты и авторы, на которых осуществляются ссылки, могут быть престижными, модными, одиозными и т.д. Подбор цитат, характер аллюзий – все это в значительной мере является (иногда невольно) немаловажным элементом самовыражения автора [Якобсон 1985: 271].

2. Апеллятивная функция интертекста проявляется в том, что отсылки к каким-либо текстам в составе данного текста могут быть ориентированы на совершенно конкретного адресата – того, кто в состоянии интертекстуальную ссылку опознать, а в идеале и оценить выбор конкретной ссылки и адекватно понять стоящую за ней интенцию. В некоторых случаях интертекстуальные ссылки фактически выступают в роли обращений, призванных привлечь внимание определенной части читательской аудитории. Реально в случае межтекстового взаимодействия апеллятивную функцию часто оказывается

трудно отделить от фатической (контактоустанавливающей): они сливаются в единую опознавательную функцию установления между автором и адресатом отношений "свой/чужой": обмен интертекстами при общении и выяснение способности коммуникантов их адекватно распознавать позволяет установить общность как минимум их семиотической (а возможно и культурной) памяти или даже их идеологических и политических позиций и эстетических пристрастий. Такого рода настройка на семиотическую общность с помощью интертекста может осуществляться с большой степенью точности (см. об этом: [Якобсон 1985: 273]).

3. Следующей функцией интертекста является **поэтическая**, во многих случаях предстающая как развлекательная: опознание интертекстуальных ссылок предстает как увлекательная игра, своего рода разгадывание кроссворда, сложность которого может варьироваться в очень широких пределах – от безошибочного опознания цитаты из культового фильма до профессиональных разысканий, направленных на выявление таких интертекстуальных отношений, о которых автор текста, возможно, даже и не помышлял (в таких случаях говорят о "неконтролируемом подтексте", "интертекстуальности на уровне бессознательного" и т.п.) (см. об этом: [Якобсон 1985: 273]).

4. Интертекст, несомненно, может выполнять **референтивную** функцию передачи информации о внешнем мире: это происходит постольку, поскольку отсылка к иному, чем данный, тексту потенциально влечет активизацию той информации, которая содержится в этом "внешнем" тексте (претексте). В этом отношении когнитивный механизм воздействия интертекстуальных ссылок обнаруживает определенное сходство с механизмом воздействия таких связывающих различные понятийные сферы операций, как метафора и аналогия. Степень активизации опять же варьируется в широких пределах: от простого напоминания о том, что на эту тему высказывался тот или иной автор, до введения в рассмотрение всего,

что хранится в памяти о концепции предшествующего текста, форме ее выражения, стилистике, аргументации, эмоциях при его восприятии и т.д. За счет этого интертекстуальные ссылки могут, помимо прочего, стилистически "возвышать" или, наоборот, снижать содержащий их текст (см. об этом: [Якобсон 1985: 275]).

5. Наконец, интертекст выполняет и **метатекстовую** функцию. Для читателя, опознавшего некоторый фрагмент текста как ссылку на другой текст (очевидно, что такого опознания может и не произойти), всегда существует альтернатива: либо продолжать чтение, считая, что этот фрагмент ничем не отличается от других фрагментов данного текста и является органичной частью его строения, либо – для более глубокого понимания данного текста – обратиться (напрягши свою память или, условно говоря, потянувшись к книжной полке) к некоторому тексту-источнику, благодаря которому опознанный фрагмент в системе читаемого текста выступает как смещенный. Для понимания этого фрагмента необходимо фиксировать актуальную связь с текстом-источником, т.е. определить толкование опознанного фрагмента при помощи исходного текста, выступающего тем самым по отношению к данному фрагменту в метатекстовой функции (см. об этом: [Якобсон 1985: 276]).

1.4. Проблемы терминологии

Сегодня существует целый ряд концепций межтекстовых связей, которые отличаются друг от друга рядом параметров. В тех случаях, когда лингвисты используют один и тот же термин для обозначения всех случаев межтекстовых связей, например, термин «интертекстуальность», границы понимания данного термина могут быть различными. Так, ряд исследователей рассматривает наряду со случаями активизации интертекстуальных взаимодействий, связанных с непосредственным включением в данный текст элементов ранее созданного текста, и такие случаи, когда наблюдается лишь структурное соответствие двух текстов, не подкрепленное собственно текстуальными совпадениями. В некоторых случаях интертекстуальные взаимодействия понимаются предельно широко. Так, например, это происходит в рамках концепции интертекстуальности Е.Е. Бразговской. Автор включает в типологию межтекстовых связей и читательские ассоциации, не предусмотренные автором текста, и вкрапления в литературный текст лексики других видов искусств [Бразговская 2001: 114].

Разные работы представляют отдельные термины с принципиально разными значениями. Термин «реминисценция» Н.А. Фатеевой понимается как «именная аллюзия, отсылка не к тексту, а к событиям из жизни другого автора, которое, безусловно, узнаваемо» [Фатеева 1998: 30]. А.Е. Супрун данный термин представляет как отсылку к предшествующим текстам. Определение понятия «реминисценция» Н.А. Фатеевой соотносится с понятием «биографическая цитация» у А.К. Жолковского, в то же время понятие «реминисценция» А.Е. Супрун с «нормальной» цитацией у А.К. Жолковского. В.М. Жирмунский рассматривал реминисценцию как «бессознательное действие творческой памяти», а А.Е. Супрун отмечает, что

реминисценции могут быть осознанными, так и неосознанными [Супрун 1995:17].

Н.Д. Арутюнова в статье «Диалогическая цитация» разграничивает понятия «цитирование» и «цитация», подразумевая под первым «введение в текст фрагментов других текстов», а под вторым – «использование реплик собеседника в иных коммуникативных целях», «компонент вербальной реакции на высказывание говорящего» [Арутюнова 1986: 50].

Таким образом, можно сказать о том, что «интертекстуальность» и «прецедентный текст» используются как синонимы. Однако значение первого значительно шире, так как оно включает в себя и такие варианты межтекстовых взаимодействий, при которых нельзя выделить собственно текстуальные соответствия (например, архитектстуальность). Интертекстуальность в большей степени соотносится с процессом межтекстовых связей, а прецедентный текст – с неким результатом данного взаимодействия. Термины «цитата», «цитация», «аллюзия», «реминисценция» связаны с конкретной реализацией в тексте интертекстуальных связей.

В данной работе основополагающими терминами, вслед за Н.А. Фатеевой, являются «интертекстуальные взаимодействия» и «интертекст». Кроме того, используется термин «цитата».

1.5. Интертекстуальный анализ в лингвистике: выбор подхода

Теория интертекстуальности является базой для интертекстуального анализа текста, который может состояться с позиций: лингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии и литературоведения. Начальное и необходимое действие для интертекстуального анализа — лингвистический анализ, несмотря на то, что в настоящее время еще не выработана целостная лингвистическая теория интертекстуальности, нет универсальных сформулированных определений интертекста и интертекстуальности. Н.А. Фатеева отмечает «не существует четкого теоретического обоснования понятий, стоящих за этими терминами...» [Фатеева, 2007: 16]. О появлении интереса у исследователей к лингвистическому подходу при интертекстуальном анализе говорят работы Н.В. Петровой (2005) [17], Н.Н. Белозеровой (1999) [5], А.Л. Троицкой (2008) [22], в которых рассматриваются текстообразующие функции интертекста. Перечисленные работы так или иначе делают вклад в решение проблемы, но по-прежнему не раскрывается лингвистическая теория интертекстуальности. Мы постараемся разграничить лингвистические и литературоведческие представления об интертекстуальности и выявить элементы собственно лингвистического анализа, так как имеющиеся о ней лингвистические представления в большей мере находятся в литературоведческих работах.

Лингвистическая теория интертекстуальности начала формироваться после введения термина интертекстуальность Ю. Кристевой в рамках постструктурализма. Проблема вышла на текстовый уровень, отодвинув литературоведческие выводы, что позволило дать толчок лингвистическому исследованию. В этом случае возник вопрос в том, как рассматривать текст, потому что постструктуралисты брали его как мировоззренческий феномен, но не лингвистический.

С точки зрения лингвистики, интертекст – это присутствие в тексте элементов другого текста. Для интертекстуальности с позиции лингвистического исследования значимым является: «1. языковые формы присутствия текста в тексте, характер отношений между ними; 2. семантические; 3. текстообразовательные функции интертекста, а также 4. участие в процессе кодирования и декодирования текста» [Аксенова, 2013: 3]. Из всего перечисленного наиболее полно освещен вопрос форм интертекстуальных включений в новом тексте. Форма интертекстуальных включений предстает на уровне *разновидностей*: 1. типа включений (цитата, аллюзия, реминисценция); 2. маркеров включений (шрифт, фамилия автора) и *видов*: 1. отношений нового текста и источника интертекста (интертекстуальность, паратекстуальность, метатекстуальность, гипертекстуальность, архитекстуальность).

Рассматривая подробнее вопрос классификации типов включений и отношений нового текста и источника интертекста, видим, что таких классификаций множество (И.В. Арнольд [Арнольд 2010: 424-430], Ж. Женетт [Фатеева 2007: 120], Н.А. Фатеева [Фатеева 2007: 122-148]), основным критерием которых является характер связи с претекстом, изменение исходного текста, синтаксическая принадлежность и объем интертекстуального элемента.

Любопытна лингвистическая классификация интертекста Н.С. Олизько, которая представляет способы включения интертекста (эксплицитно-маркированный, эксплицитно-немаркированный, имплицитный и ассоциативный) [Олизько 2008: 28-30] и типы включений (упоминание, цитата, квазицитация, аллюзия, реминисценция, продолжение, текстовая реминисценция-дайджест). Автор обращает внимание к языковой форме включений и к их когнитивной форме, рассматривая реминисценции-дайджесты в качестве когнитивных структур, сформированных на основе

прецедентных феноменов, при потере имен собственных и упрощении синтаксических структур [16, с. 41].

Самой известной классификацией интертекстуальных отношений остается классификация Жерара Женетта, перу которого принадлежит разработка практической модели межтекстовых отношений, где основой является произведение как целостная структура. Ж. Женетт предложил классификацию разных типов взаимодействия текстов, где вычленяются некоторые уровни: 1) интертекстуальность (один текст представлен в другом в виде цитат, плагиата, аллюзий); 2) паратекстуальность (отношение текста к своей части, например, эпиграфу или названию); метатекстуальность (отнесенность текста к контексту); 4) гипертекстуальность (взаимопародирование текстов); 5) архитекстуальность (текстовая жанровая связь) [приводится по: Фатеева 2007: 120]. Данную классификацию можно отнести к лингвистической, так как она учитывает форму и место включений, характер отношений между текстами, способ преобразования текста-источника.

Небезынтересна классификация Л. Женни, где подробно рассматриваются виды сохранения и изменения языковой формы источника, в том числе и текстовой: «парономазия (реминисценция, сохраняющая языковой строй источника); эллипсис (усеченное воспроизведение источника); амплификация (дальнейший вывод из виртуально присутствующих в источнике значений); гипербола (трансформация смысла источника путем перевода в превосходную степень качества); «inversion» (данный интертекстуальный ход изменяет порядок и ценностный ранг элементов источника, например, при пародировании, и, наконец, «*changement du nivean de sens*» (перенесение семантической схемы источника в иной контекст)» [цит. по: Олизько 2008: 21-22]. Возможное применение

настоящей классификации – анализ типа трансформации претекста при текстообразовании.

Приведенные выше классификации форм включений произвели серьезный вклад в развитие лингвистического подхода к интертекстуальности. Интертекст родился в качестве лингвистической единицы, которая присутствует частью одного текста в другом. Это стало предпосылкой создания интертекстуального анализа текста, где обнаруживаем элементы когнитивного подхода к интертексту.

Существует также ряд работ о функциях интертекстуальности, которые представляют собой достаточно точные общелингвистические классификации.

Таким образом, как показывают разные исследования, интертекстуальность изучается в качестве языкового явления с разных позиций. Для лингвистического анализа исходным положением является понимание интертекста как языковой формы присутствия текста в тексте. Лингвистические данные об интертекстуальности напрямую связаны с классификацией форм интертекстуальных включений, характера отношений между текстами, функциями интертекста, интертекстуальных маркеров.

II. Типы актуализации интертекстуальных взаимодействий в романе Б.Акунина «Внеклассное чтение» (основные источники интертекста)

Наиболее часто интертекстуальные взаимодействия в романе «Внеклассное чтение» актуализируются в виде цитат и иного рода отсылок к текстам художественных произведений. Роман не является пародией на существующие в классической литературе произведения, но в нем автор демонстрирует прекрасное знание текстов мировых художественных произведений, о чем свидетельствует уже система названий глав.

Попытаемся выделить несколько групп цитат в зависимости от их источника, расположив в убывающей последовательности, начиная с доминирующих:

1. Цитаты из художественных произведений русских авторов:

- Настроение после отмены *приглашения на казнь* было приподнятое и слегка истеричное.

(В. Набоков «Приглашение на казнь»).

- Зачем арапа своего младая любит Дездемона?

(А.С. Пушкин «Езерский»).

- Больше всего Москва напоминает Николасу любимый чеховский типаж: красивую, но чуть перзрелую барыньку, немного циничную и пресыщенную, не слишком счастливую в любви.

(автор использует интертекст для создания конкретного эффекта и ассоциаций с чеховской барынькой из рассказа «Барыня»).

- Тяжелая оказия – быть взрослой дочери отцом.

(А.С. Грибоедов «Горе от ума»: «Что за комиссия, Создатель, быть взрослой дочери отцом»).

- Павлина Аникитишна запела про сизого голубочка, который стонет день и ночь, ибо от него миленький дружочек улетел надолго прочь.

(И.И. Дмитриев «Стонет сизый голубочек»).

- Еще подумал: «Незнакомка» и есть. *Дыша духами и туманами.*

(А. Блок «Незнакомка»).

- Лязгнула дверь, и Митя увидел пред собой Лесного Царя.

(В.А. Жуковский «Лесной Царь»).

- Я путешествовал из Петербурга в Москву.

(А.Н. Радищев «Путешествие из Петербурга в Москву»).

- Нашлось чему поучиться и у попутчика Миши. Был он человек Божий, легкий, из вечной русской породы бродяг, которая за тысячу лет существования России не так уж сильно изменилась.

(Л.Н. Толстой «Война и мир», отсылка к персонажу Платону Каратаеву).

- Старец Сысой.

(Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы», описание старца Сысои, его «обители», огромной очереди посетителей, пришедших к нему из самых отдаленных уголков страны, вызывают ассоциации со старцем Зосимой).

- Он с трудом сдержал улыбку, представив этот «свет»:

вчерашних завмагов, райкомовских работников и бухгалтеров, изображающих из себя салон Анны Павловны Шерер.

(Л.Н. Толстой «Война и мир». Салон Анны Шерер в романе – место, где собирались «сливки» дворянского общества, интеллигентные люди).

- Этот самый Куценко несколько лет назад разбогател, женился на молодой фифе, а прежнюю *подругу дней своих суровых* отправил в отставку.

(А.С. Пушкин «Няне»).

- А следом, шурша *шелками и туманами*, уже наплывала блистательная Изабелла Марченко.

(А. Блок «Незнакомка»).

- Откуда это: «Тень, знай свое место?...»

(Е. Шварц «Тень»).

2. Цитаты из высказываний и работ исторических лиц:

- Делай, что должно, а там будь, что будет.

(афоризм, приписываемый Марку Аврелию).

- Как писал Карл Маркс, ничто человеческое мне не чуждо.

(цитата из Карла Маркса).

3. Цитаты и квазицитаты из произведений зарубежной литературы:

- Триумфального писка не прозвучало, но *сезам открылся*.

(«Тысяча и одна ночь»).

- Впрочем, чума на них на всех.

(Шекспир «Ромео и Джульетта»: «Чума возьми семейства ваши оба»).

- Сударь, вы же не рыцарь Ланцелот, а лекарь!

(Т. Мэлори «Смерть Артура»).

- Нет повести банальнее на свете.

(Шекспир «Ромео и Джульетта»).

- Если какая-нибудь из моих лолобриджид опоздает на очередную профилактику, то с боем часов превратится в тыкву.

(Ш. Перро «Золушка»).

- А ведь эта новая Иезавель много хуже шаекспировской Гертруды.

(Гертруда – героиня пьесы Шекспира «Гамлет»).

4. Цитаты из библейских текстов:

- Все понял, все сделаю. Мне отмщение и Аз воздам!
- Ничтоже ново под солнцем. Иже возглаголет и речет: се, сие ново и есть, уже бысть в вещех бывших прежде нас...

В то же время обращение к перечисленным выше источникам не исчерпывается цитатами и квазичитатами. Когда речь идет о произведениях русских и зарубежных авторов, нередко интертекст актуализируется в виде названия произведения, имени автора, имени персонажа. Реже видим комбинацию данных типов.

а) Интертекст в виде названия произведения:

- *Рассказ неизвестного человека* (название главы).

(А.П. Чехов «Рассказ неизвестного человека»).

- *Как вам это понравится?* (название главы).

(У. Шекспир «Как вам это понравится»).

- *Смерть Ивана Ильича* (название главы).

(Л.Н. Толстой «Смерть Ивана Ильича»).

- *Амур и Псишея* (название главы).

(Г.Р. Державин «Амур и Псишея»).

- *Истребление тиранов* (название главы).

(В. Набоков «Истребление тиранов»).

- *Утраченный рай* (название главы).

(Д. Мильтон «Потерянный рай»).

- *Большие надежды* (название главы).

(Ч. Диккенс «Большие надежды»).

- *Преступление любви, или Безумства страстей* (название главы).

(маркиз де Сад «Преступление любви, или Безумства страстей»).

- *Москва и москвичи* (название главы).

(В.А. Гиляровский «Москва и москвичи»).

- *Лекарь поневоле* (название главы).

(Ж.Б. Мольер «Лекарь поневоле»).

- *Человек-невидимка* (название главы).

(Г. Уэллс «Человек-невидимка»).

- *Несчастья добродетели* (название главы).
(маркиз де Сад «Несчастья добродетели»).
- *Жизнь взаимы* (название главы).
(Э.М. Ремарк «Жизнь взаимы»).
- *Тщетная предосторожность* (название главы).
(П. Бомарше «Севильский цирюльник, или Тщетная предосторожность»).
- *Гости съезжались на дачу* (название главы).
(А.С. Пушкин «Гости съезжались на дачу»).
- *Бригадир* (название главы).
(Д.И. Фонвизин «Бригадир»).
- *Кроткая* (название главы).
(Ф.М. Достоевский «Кроткая»).
- *Коварство и любовь* (название главы).
(И.Ф. Шиллер «Коварство и любовь»).
- *Прекрасный новый мир* (название главы).
(О. Хаксли «О дивный новый мир»).
- *Опасные связи* (название главы).
(Шодерло де Лакло «Опасные связи»).
- *Солнечный удар* (название главы).
(И.А. Бунин «Солнечный удар»).
- *Много шума из ничего* (название главы).

(У. Шекспир «Много шума из ничего»).

- *Отцы и дети* (название главы).

(И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

- Лязгнула дверь, и Митя увидел перед собой *Лесного Царя*.

(В.А. Жуковский «Лесной Царь»).

- *Я путешествовал из Петербурга в Москву*.

(А.Н. Радищев «Путешествие из Петербурга в Москву»).

- У, затворники, *старосветские помещики!*

(Н.В. Гоголь «Старосветские помещики»).

б) интертекст в виде имени персонажа:

- Кредитно-сберегательное товарищество «*Капитан Копейкин*»

(персонаж поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»).

- Разноцветная нимфа уселась за компьютер, из чего следовало, что она здесь трудится секретаршей. Должно быть, к приходу налоговых проверяльщков эта *Гелла* смывает косметику и переодевается скромницей.

(Гелла – ведьма, нечистая сила, соратница Воланда из романа М.Булгакова «Мастер и Маргарита»).

- Вы что, подпольщик? Как *гражданин Корейко?*

(герой романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»).

- Истинный Вертер, коему от несчастных страсти неутоления жизнь не мила, так что хоть пулю в лоб или в омут головой.

(Гете «Страдания юного Вертера»).

- Ровно через год после смерти жены бедному *Ивану Ильичу*

наконец приснилась безмерно обожаемая Люба и, подобно *тени отца Гамлета*, потребовала возмездия.

(Шекспир «Гамлет»; Л.Н. Толстой «Смерть Ивана Ильича»).

- Волков обдумал сказанное. Качнул головой с видом принца Датского, произносящего: «Есть многое на свете, друг Гораций!..»

(Принц Датский – герой трагедии Шекспира «Гамлет»).

- И будет у них простая, ясная, добрая жизнь. Как у Поля и Виргинии.

(Роман Жака-Анри Бернарден де Сен-Пьера «Поль и Виргиния»).

- Мират ищет гувернантку для своей Золушки.

(Ш. Перро «Золушка»).

- А ведь эта новая Иезавель много хуже шаекспировской Гертруды (Иезавель – библейский персонаж).

в) интертекст в виде комбинации данных типов:

- «Во избежание двусмысленности, положу меж нами обнаженный меч, как непреклонный Роланд» – и загоготал, невежда. Это надо же Роланда с Тристаном перепутать!

(«Песнь о Роланде» (французский эпос); «Тристан и Изольда» - герои рыцарского романа XII века).

Итак, можно сказать, что в романе Б. Акунина «Внеклассное чтение» наиболее частотны интертексты, источниками которых являются: 1) произведения художественной литературы русских авторов; 2) произведения

художественной литературы зарубежных авторов. Гораздо реже встречаются отсылки к библейским сюжетам, высказываниям выдающихся людей.

Как правило, интертекст актуализируется в виде цитаты и квазицитаты, в ряде случаев упоминается название произведения, имя автора, имя персонажа, причем иногда наблюдается комбинация данных типов.

Преобладание тех или иных источников обусловлено рядом экстралингвистических факторов, связанных с эстетическими предпочтениями автора. Безусловно, при этом необходим анализ контекста, в котором актуализируется интертекстуальная связь, наличия трансформации интертекста и ее значимости, а также выполняемых интертекстом функций.

III. Феномены смысловой соотнесенности названий и текста соответствующих глав в романе Б. Акунина «Внеклассное чтение»

В романе «Внеклассное чтение» каждая глава названа по одному из классических произведений русской и мировой литературы прошлых веков.

- **1 глава** – «Рассказ неизвестного человека»

Первая глава названа произведением А.П. Чехова. В данной главе содержится обращение «неизвестный» относительно героя Кузнецова, что и дает основание Б.Акунину назвать главу подобным образом.

- **2 глава** – «Как вам это понравится?»

Во второй главе, названной по произведению В. Шекспира, употребляется обращение «Как вам это понравится, а?» [Акунин 2002: 38]. Финал главы содержит цитату из пьесы, которая не повторяет сюжет классического произведения, но дает завершение происходящему в данной главе.

Шекспир: «и я остаюсь в убеждении, что все, обладающие красивыми бородами, или прекрасным лицом, или приятным дыханием, не откажутся, в награду за мое милое предложение, ответить на мой поклон прощальным приветом» [Шекспир 1993: 214].

Акунин: «Почту за высшее счастье, если ваше императорское величество и ваши императорские высочества, ровно как и ваша светлость, в награду за мое доброе намерение ответят на мой поклон прощальным рукоплесканьями» [Акунин 2002:70].

- **3 глава** – «Смерть Ивана Ильича»

Глава названа произведением Л. Толстого. В данной главе имя героя схоже с толстовским. Факт смерти повторяет сюжет произведения Толстого. Иван Ильич умирает не от рака, как у Льва Николаевича: его скинут с крыши. Зато о физическом процессе умирания написано словами Толстого.

Л.Н. Толстой: «Он втянул в себя воздух, остановился на половине вдоха, потянулся и умер» [Толстой 1985: 341].

Акунин: «Он втянул в себя воздух, остановился на половине вдоха, потянулся и умер» [Акунин 2002: 79].

- **4 глава** – «Амур и Псишея»

Данная глава не повторяет сюжет произведения Г.Р. Державина, но содержит цитаты, которые помогают раскрывать идейную основу главы.

Г.Р. Державин:

Ни крылышком Амур не тронет,

Ни луком, ни стрелой;

Псишея не бежит, не стонет,

Свились, как лист с травой.

Так будь, чета, век нераздельна,

Согласием дыша:

Та цепь тверда, где сопряжение

С любовью душа [Державин 1985: 127].

Акунин:

Ни крылышком Амур не тронет,

Ни луком, ни стрелой;

Псишея не бежит, не стонет,

Свились, как лист с травой.

Парапапам, парапапам, согласиём дыша.

Та цепь тверда, где сопряжена с любовью душа... [Акунин 2002: 100].

- **5 глава – «Истребление тиранов»**

Употребление таких слов, как «тираны», «истребление» дает основание Б. Акунину назвать главу классическим произведением В. Набокова.

В. Набоков: «Я же, "тень без костей", буду рад, если плод моих забытых бессонниц послужит на долгие времена неким тайным средством против будущих тиранов, тигроидов, полоумных мучителей человека» [Набоков 1990: 631].

Акунин: «Кто-то решил очистить общество от кровососов и капиталистических тиранов»; «...приговаривается к высшей мере справедливости - истреблению» [Акунин 2002: 128].

- **6 глава – «Утраченный рай»**

Данная глава не повторяет сюжет произведения Мильтона, но содержит цитату в финале, которая помогает раскрыть идейную основу главы.

Мильтон:

«Как странники, они рука в руке,

Эдем пересекая, побрели

Пустынною дорогою своей» [Мильтон 1982: 367].

Акунин: «Бывший небожитель, гонимый ненастьем, дрожал и всхлипывал, уныло бредя прочь от Эдема медленной стопой» [Акунин 2002: 183].

- **7 глава – «Большие надежды»**

Данная глава не повторяет сюжет произведения Ч. Диккенса, но содержит цитату в финале, которая помогает раскрыть идейную основу главы.

Диккенс: «Я взял ее за руку, и мы пошли прочь от мрачных развалин; и так же, как давно, когда я покидал кузницу, утренний туман подымался к небу, так теперь уплывал вверх вечерний туман, и широкие просторы, залитые спокойным светом луны, расстилались перед нами, не омраченные тенью новой разлуки [Диккенс 1987: 378].

Акунин: «Будем шагать по небу, взявшись за руки, к источнику этого безмятежного света, чтобы вот так же уплывал вверх вечерний туман, и широкие просторы, залитые спокойным светом луны, расстилались перед нами, не омраченные тенью новой разлуки» [Акунин 2002: 224].

- **9 глава** – «Москва и москвичи»

Данная глава содержит размышления о категории Москвы и москвичей. Не повторяя сюжет произведения Гиляровского, финал главы содержит цитату из произведения «Москва и москвичи».

Гиляровский: «Где же Охотный ряд?» [Гиляровский 1981: 267].

Акунин: «Где "Охотный ряд"? Где же "Охотный ряд"?» [Акунин 2002: 271].

- **10 глава** – «Лекарь поневоле».

Глава романа не повторяет сюжет произведения Мольера, дан лишь герой – лекарь поневоле, что и дает основание Б. Акунину назвать главу «Лекарь поневоле». Финал главы содержит цитату из пьесы, которая помогает раскрыть идею.

Мольер: «Но с этих пор ты должна обращаться с чувством глубокого уважения по отношению к человеку, столь важному, как я, и помнить, что гнев лекаря ужаснее всего на свете» [Мольер 1986: 304].

Акунин: «Вы правы, я нынче человек мирный и смирный, ремеслом врач, но, клянусь Разумом (и можете мне верить, ибо Данила Фондорин

никогда не лжет), гнев лекаря - штука куда более опасная, чем полагают некоторые» [Акунин 2002: 292].

- **11 глава** – «Человек-невидимка»

Глава романа не повторяет сюжет произведения Уэллса, дан лишь герой с характеристикой человека-невидимки. Финал главы содержит цитату из романа, которая помогает раскрыть идею.

Уэллс: «И, несмотря на все розыски, предпринимаемые неутомимым Кемпом, ни один человек на свете, кроме самого хозяина трактира, не знает, где находятся книги, в которых скрыта тайна невидимости и много других поразительных тайн. И никто этого не узнает до самой его смерти» [Уэллс 1983: 166].

Акунин: «Прошлые грехи известны самому отшельнику да Господу Богу, теперь никто другой не узнает о них до самой его смерти» [Акунин 2002: 346].

- **13 глава** – «Жизнь взаимы»

Финал главы содержит цитату из произведения Ремарка, которое так и называется «Жизнь взаимы».

Ремарк: «И он подумал, что она была счастлива, насколько человек вообще может быть счастлив» [Ремарк 1992: 191].

Акунин: «И в течение нескольких последующих секунд был по-настоящему счастлив – насколько человек вообще может быть счастлив» [Акунин 2002: 41].

- **14 глава** – «Тщетная предосторожность»

Финал главы содержит цитату из произведения Бомарше.

Бомарше: «Впрочем, будем справедливы: когда юность и любовь сговорятся обмануть старика, все его усилия им помешать могут быть с

полным основанием названы Тщетною предосторожностью» [Бомарше 1982: 102].

Акунин: «хоть спрячьтесь под самый царский трон, хоть сбегите на край света - будут с полным основанием названы тщетною предосторожностью» [Акунин 2002: 73].

- **15 глава** – «Гости съезжались на дачу»

Финал главы содержит цитату из произведения Пушкина «Гости съезжались на дачу».

Пушкин: «Мы гордимся не славою предков, но чином какого-нибудь дяди или балами двоюродной сестры. Заметьте, что неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности» [Пушкин 1987: 338].

Акунин: «Заметьте, что неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности...» [Акунин 2002: 118].

- **16 глава** – «Бригадир»

Финал главы содержит цитату из произведения Фонвизина.

Фонвизин: «Говорят, что с совестью жить худо: а я сам теперь узнал, что жить без совести всего на свете хуже» [Фонвизин 1987: 68].

Акунин: «Жить без совести всего на свете хуже...» [Акунин 2002: 146].

- **17 глава** – «Кроткая»

Финал главы содержит цитату из произведения Достоевского.

Достоевский: «Нет, серьезно, когда ее завтра унесут, что ж я буду?» [Достоевский 1983: 325].

Акунин: «И кто же я буду после этого? Или, вернее, что? Нет, серьезно, когда ее завтра унесут, что ж я буду?» [Акунин 2002: 180].

- **18 глава** – «Коварство и любовь»

Финал главы содержит цитату из произведения Шиллера.

Шиллер: «Он меня простил! Теперь - берите меня!» [Шиллер 1985: 198].

Акунин: «Он простил меня! Теперь я в вашей власти!» [Акунин 2002: 248].

- **19 глава** – «Прекрасный новый мир»

Финал главы содержит цитату из произведения Хаксли.

Хаксли: «Медленно медленно, подобно двум неторопливым стрелкам компаса, ступни поворачиваются вправо - с севера на северо-восток, восток, юго-восток, юг, остановились, повисели и так же неспешно начали обратный поворот. Юг, юго-восток, восток...» [Хаксли 1990: 488].

Акунин: «Восток справа, примерно под углом сорок пять градусов. И там, кажется, кольцевая дорога, дома кончаются. Значит, какой это край Москвы? Юго-восток? Нет, северо-восток» [Акунин 2002: 284].

- **20 глава** – «Опасные связи»

Финал главы содержит цитату из произведения Лакло.

Лакло: «Прощайте, мой дорогой и достойный друг. Сейчас я на горьком опыте познаю, что разум наш, столь мало способный предотвращать наши несчастья, еще менее пригоден для того, чтобы даровать нам утешение» [Лакло 1992: 317].

Акунин: «Ах, сколь мало наш рассудок способен предотвратить уготованные нам дары Фортуны и еще менее пригоден для нашего утешенья!» [Акунин 2002: 304].

- **21 глава** – «Солнечный удар»

Глава названа “Солнечный удар”. Повествование идет не о сладостях любви и муках расставания, а об ударе в солнечное сплетение. Финал главы

содержит цитату из произведения И. Бунина, которая дает идейное завершение главы.

Бунин: «Поручик сидел под навесом на палубе, чувствуя себя постаревшим на десять лет» [Бунин 1988: 69].

Акунин: «Какой тяжелый нескончаемый день, думал он, чувствуя себя постаревшим на десять лет» [Акунин 2002: 348].

- **22 глава** – «Много шума из ничего»

Финал главы содержит цитату из произведения Шекспира.

Шекспир: «Забудем о нем до завтра, а там уж я придумаю ему славное наказание. Эй, флейты, начинайте!» [Шекспир 1979: 217].

Акунин: «Хватит нудить. Давай «Реченьку»! Да живо, радостно! Барыня магарыч дает. Раз-два-три! Эй, флейты, начинайте!» [Акунин 2002: 371].

- **23 глава** – «Отцы и дети»

О могиле “нового русского” предпринимателя Куценко сказано примирительными словами из эпилога “Отцов и детей”.

Тургенев: «Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии "равнодушной" природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...» [Тургенев 1985: 251].

Акунин: «Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии равнодушной природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...» [Акунин 2002: 375].

IV. Функции интертекста в романе

Таким образом, экспрессивная функция цитаты может проявляться тогда, когда автор текста с помощью интертекстуальных ссылок сообщает о своих культурно-семиотических ориентирах, а в ряде случаев и о прагматических установках. Подбор цитат, характер аллюзий - всё это элемент самовыражения автора.

Примером может являться следующий фрагмент текста «Внеклассного чтения»:

«История семьи угадывалась без большого труда. Этот самый Куценко несколько лет назад разбогател, женился на молодой фифе, а прежнюю подругу дней своих суровых, как это водится у мужчин, отправил в отставку. Нет повести банальнее на свете».

В данном примере обыгрываются сразу два классических произведения: «Няне» Пушкина и «Ромео и Джульетта» Шекспира. Автор, обращаясь к этим классическим текстам, демонстрирует уровень своего литературного образования и авторитетность классической литературы в его культурном пространстве. Тексты эти являются широко известными, поэтому читатель без труда угадает текст-источник. *Иронический эффект*, к которому стремится автор, перефразируя знаменитую цитату Шекспира, безусловно, будет достигнут. Автор подчеркивает единство культурной среды, в которой находится и он, и его читатель. Таким образом, квазицитата действительно служит способом самовыражения автора и средством актуализации культурных ориентиров.

Еще одна функция интертекста - поэтическая, во многих случаях предстающая как развлекательная: опознание интертекстуальных ссылок предстает как увлекательная игра, своего рода разгадывание кроссворда.

Примеров в тексте Акунина масса:

« - У, затворники, старосветские помещики!»

Здесь отсылка к гоголевскому тексту позволяет глубже понять смысл высказывания и характеристику персонажей, к которым обращена эта аллюзия. Как видим, поэтическая функция здесь совмещается с метатекстовой, о которой будет рассказано ниже.

Еще один пример реализации поэтической функции, выраженной с помощью квазицитации:

«А следом, шурша духами и туманами, уже наплывала блистательная Изабелла Марченко».

Интертекст выполняет и метатекстовую функцию. Читатель, опознавший некоторый фрагмент текста как ссылку на другой текст, всегда может найти альтернативу: либо продолжать чтение, считая, что этот фрагмент ничем не отличается от других фрагментов данного текста и является органичной частью его строения, либо - для более глубокого понимания данного текста - обратиться (напрягши свою память или, условно говоря, потянувшись к книжной полке) к некоторому тексту-источнику. Для понимания этого фрагмента необходимо определить толкование опознанного фрагмента при помощи исходного текста, выступающего тем самым по отношению к данному фрагменту в метатекстовой функции. Примером метатекстовой функции цитат в романе Акунина служат названия глав книги: они отсылают нас к источникам еще до того, как мы приступили к чтению.

Пример цитаты, выполняющей метатекстовую функцию:

«Он с трудом сдержал улыбку, представив этот «свет»: вчерашних завмагов, райкомовских работников и бухгалтеров, изображающих из себя салон Анны Павловны Шерер».

Для того, чтобы глубже понять смысл этого абзаца, необходимо вспомнить о том, что такое салон Анны Павловны Шерер и в чем его

специфика. Автор упоминает о нем, безусловно, с целью иронии, чтобы показать, как заурядные слои общества пытаются изображать светские манеры и соответствовать установленным требованиям. Едва ли эту иронию можно оценить, не помня о том, что такое салон Анны Павловны Шерер.

Очень часто эти функции цитат накладываются одна на другую в тексте литературного произведения.

Основная цель такого приема, как «игра в классики», в тексте Акунина – создание комического эффекта, которое происходит благодаря активации уже имеющихся в сознании читателя историко-культурных ориентиров.

V. Актуализация интертекстуальных взаимодействий в романе Б.Акунина «Алмазная колесница»

Автор романа вовлекает читателя в игру с текстом с первых строк: экспозиция романа, заимствованная из рассказа А. И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников», идеально вписывается в текст Акунина:

«В тот день, когда ужасный разгром русского флота у острова Цусима приближался к концу и когда об этом кровавом торжестве японцев проносились по Европе лишь первые, тревожные, глухие вести, – в этот самый день штабс-капитан Рыбников, живший в безымянном переулке на Песках, получил следующую телеграмму из Иркутска: «Вышлите немедленно листы следите за больными уплатите расходы». Штабс-капитан Рыбников тут же заявил своей квартирной хозяйке, что дела вызывают его на день – на два из Петербурга и чтобы поэтому она не беспокоилась его отсутствием. Затем он оделся, вышел из дому и больше уж никогда не возвращался» [Акунин 2007: 7].

Таким образом, автор использует свой любимый прием – литературный ремейк.

Частотны в романе отсылки к художественным произведениям, именам персонажей и разного рода крылатым выражениям и фразеологизмам. Рассмотрим несколько групп в зависимости от их источника:

1. Интертекст в виде имени персонажа:

- *Василий Александрович Рыбников*

(герой рассказа А. Куприна «Штабс-капитан Рыбников»).

- Но не о том ли самом говорил и *Андрей Болконский* перед Бородинским сражением
(герой романа Л.Н. Толстого «Война и мир»).
- *Чацкий*, да и только
(герой комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедова).
- Как *Онегин*
(герой произведения А.С. Пушкина «Евгений Онегин»).
- Требовалось немножко сбить спесь с этого *Чайльд-Гарольда* из Третьего отделения
(герой поэмы Д.Г. Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда»).
- Вот тебе и *Печорин*
(персонаж романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»).

2. Интертекст в виде крылатых выражений, фразеологизмов:

- Чтоб держали ухо остро, косоглазый *враг не дремлет*
(выражение представляет парафраз одного из евангельских изречений: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить» Евангелие, Первое послание Апостола Петра, гл.5, ст.8).
- *Уговор дороже денег.*

- И припустит с голым задом *в светлое будущее*? Революционер внимательно посмотрел в холодные глаза собеседника.
- Как говорится, *береженого Бог бережет*.
- Лидина решила не тратить время попусту, *чему быть – того не миновать*.
- Еле-еле несчастных турок одолели, где ж нам с британцами воевать? *Нашему бы теляти да волка забодати*.

3. Цитаты и квазицитаты из художественных произведений:

- *И путешествия ему, как всё на свете, надоели*
(А.С. Пушкин «Евгений Онегин»).
- *Он возвратился и попал, как Чацкий с корабля на бал*
(А.С. Пушкин «Евгений Онегин»).
- *Быть или не быть – глупый вопрос, если ты хоть раз был счастлив*
(У. Шекспир «Гамлет»).
- Его ждала не *прекрасная дама*, а молодой человек в крапчатом пиджаке
(А. Блок «Стихи о Прекрасной Даме»).
- – Вы как царевна Лебедь. – Он улыбнулся. – *Полно, князь, душа моя. Это чудо знаю я. Не печалься, рада службу оказать тебе я в дружбу*
(А.С. Пушкин «Сказка о царе Салтане»).

- – Как он мог написать: *«Твою погибель, смерть детей с жестокой радостью вижу»?*

(А.С. Пушкин «Вольность»).

- Ничего себе *«звезда пленительного счастья»*

(А.С. Пушкин «К Чаадаеву»).

- Врагу не сдастся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает! – донеслось с буксира

(стихотворение Рудольфа Грейнца).

Итак, можно сказать, что в романе Б. Акунина «Алмазная колесница» наиболее частотны интертексты, источниками которых являются: 1) произведения художественной литературы, 2) имена персонажей художественных произведений.

В большинстве случаев интертекст актуализируется в виде цитаты и квазицитаты, также наблюдаются случаи, где актуализация происходит в виде имени персонажа.

Заключение

Материалы исследования показывают, что интертекстуальные взаимодействия представляют собой характерное явление для языка произведения Б.Акунина. В рамках данной работы удалось установить, что интертекстуальность как лингвистическую проблему исследуют многие ученые, но, тем не менее, нет однозначного решения этой проблемы: не создана единая концепция межтекстовых связей. Несмотря на то, что существует ряд концепций межтекстовых связей, вопрос об универсальной классификации остается открытым. Функциональному аспекту интертекстуальности также уделено много внимания, но в то же время ученые ставят акценты на разных аспектах данного вопроса, выдвигая определенные приоритеты в индивидуальном порядке. Вопрос терминологии также остается спорным, так как границы термина «интертекстуальность» в работах лингвистов могут быть различными.

Проведенное исследование позволяет говорить о наличии широкого круга источников интертекста в языке романов Б.Акунина «Внеклассное чтение» и «Алмазная колесница». В романе «Внеклассное чтение» преобладают цитаты из художественных произведений русских и зарубежных авторов, реже встречаются цитаты из высказываний и работ исторических лиц, библейских текстов. Наблюдается интертекст в виде имен персонажей. Преобладание того или иного вида цитат, квазицитат находится в прямой зависимости от выполняемой интертекстом функции. Проведенное исследование показало, что доминирующими функциями интертекста являются функция поэтическая, связанная с подбором цитат, характером аллюзий, и функция метатекстовая, которая реализуется посредством названия глав в романе «Внеклассное чтение». Функция создания иронии и комического эффекта являются вспомогательными в романе.

Рассмотрение феноменов смысловой соотнесенности показало, что названия глав романа «Внеклассное чтение», которые повторяют названия шедевров мировой и художественной классики, строятся на противоречии между цитатой и контекстом. Каждая глава романа завершается цитатой из классического произведения, которым названа глава. С помощью цитаты Б.Акунин дает идейное завершение каждой главы.

В романе «Алмазная колесница» автор использует прием – литературный ремейк, заимствуя полностью экспозицию из рассказа А.И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников». В произведении частотны отсылки к художественным произведениям, именам персонажей и разного рода крылатым выражениям и фразеологизмам.

Таким образом, постмодернистские тексты, к числу коих относятся и романы Бориса Акунина «Внеклассное чтение» и «Алмазная колесница», представляют собой коллаж из цитат. Правда, опознать хотя бы большинство всех этих переключек и аллюзий может только подготовленный читатель. “Двойное кодирование”, расчет и на читателя, который поймет “всё”, и на того, кто поймет “кое-что”, — прием, опробованный в постмодернистской словесности многократно. Тексты Б. Акунина – неиссякаемый источник для лингвистических изучений.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Внеклассный урок-лекция по теме «Интертекстуальность»

Пояснительная записка

Форма урока-лекции предполагает изложение значительной части теоретического материала изучаемой темы. Целесообразность проведения данного занятия заключается в следующем: а) изучении нового материала, который мало связан с изученным ранее; б) рассмотрении сложного для изучения материала. Урок-лекция знакомит учащихся с явлением интертекстуальности, особенностями проявления его в тексте на материале романа Б.Акунина «Внеклассное чтение». Школьникам представлены ключевые понятия – текст, интертекстуальность, интертекст, аллюзия, реминисценция, цитата. Феномен интертекстуальности характеризуется широкой распространенностью и значимостью в современной культуре, поэтому урок-лекция может быть использован в филологии. Включает практические задания.

Основная цель урока-лекции состоит в формировании представления об интертекстуальности.

Задачи:

- формирование умения идентифицировать интертекстуальные включения в тексте;
- формирование понимания особенностей функционирования интертекстуальных включений в тексте.

План урока-лекции:

1. Определение интертекстуальности
2. Функции интертекста
3. Текстовые проявления интертекстуальности

4. Уровни восприятия интертекста

5. Значение явления

Примечание: подчеркнутый текст дается под запись. Даты, имена и термины помещаются на доске.

На доске: «Еще подумал: «Незнакомка» и есть. Дыша духами и туманами»

Вопросы к аудитории: Возможно, кто-нибудь знает, откуда эти слова? Какие словосочетания вы уже встречали? Что необычного в предложении?

Появление термина «интертекстуальность» относят ко второй половине XX в. (1967, Ю. Кристева). В этот период возникает большое количество работ, посвященных проблеме интертекста и интертекстуальности. Теория интертекстуальности активно начала разрабатываться с 80-х гг. XX в. Такое внимание неслучайно, потому что возросло использование в XX веке, а особенно в конце века, интертекстуальности в поэзии, в прозе и в культуре в целом.

Чаще всего интертекстуальность представлена как связь между двумя текстами, которые принадлежат разным авторам и разным временным рамкам. Интертекстуальные связи художественных произведений часто находят свое отражение в разного рода реминисценциях, аллюзиях, цитатах.

Лингвисты, говоря об **интертекстуальности**, придерживаются работы И.В. Арнольд, которая определяет ее как «присутствие в тексте более или менее маркированных следов других текстов в виде цитат, аллюзий или целых вводных рассказов».

Одним из свойств интертекстуальности является размытость границ текста, в результате чего появляется незаконченность, закрытость текста. Структурный принцип интертекстуальности – его открытость, множественность, внутренняя неоднородность. Здесь, таким образом, прослеживается пространство пересечения текстов, комбинации которых

создают дополнительный смысл. Открытость текстов, которую рождает интертекстуальность, способствует продолжению текстов в сознании читателей с помощью источников, на которые ссылаются интертекстуальные включения. Интертекстуальность способствует открытости текстов, тексты могут быть продолжены в сознании читателя информацией из источников, на которые ссылаются интертекстуальные включения. Отсюда мы можем сказать, что **интертекст** – это взаимодействие между идеей исконной и выработанной. Другими словами, если в произведение включается фрагмент чужого текста, который меняет идейную установку и способствует воплощению новой авторской идеи – это интертекст.

Вопрос к аудитории: Только ли в филологии можно увидеть интертекстуальные связи?

Интертекстуальные связи мы можем наблюдать между произведениями разных видов искусства – живописи, музыки, архитектуры, театра, кинематографа.

Исследования функций интертекста – важная часть для лингвистического интертекстуального анализа. Одной из известных классификаций функций интертекстуальности в соответствии с функциями языка является классификация Р. Якобсона.

Р. О. Якобсон выделяет следующие **функции интертекста:**

1) экспрессивная функция, которая зависит от авторских культурно-семиотических ориентиров. Подбор цитат и аллюзий является элементом самовыражения автора. Рассмотрим поподробнее данную функцию на примере фрагмента текста «Внеклассного чтения»:

«История семьи угадывалась без большого труда. Этот самый Куценко несколько лет назад разбогател, женился на молодой фифе, а прежнюю подругу дней своих суровых, как это водится у мужчин, отправил в отставку. Нет повести банальнее на свете».

Данный пример показывает нам сразу два классических произведения: «Няне» Пушкина и «Ромео и Джульетта» Шекспира. Тем самым автор демонстрирует уровень своего литературного образования. Автор стремится продемонстрировать *иронический эффект*, подчеркивая единство культурной среды, в которой находятся он сам и его читатель.

2) Следующая функция – **апеллятивная**. Её проявление заключается в том, что отсылки на какой-либо текст подразумевают конкретный круг адресатов, которые могут обнаружить и оценить интертекстуальную ссылку. Между автором и читателем устанавливаются отношения «свой\чужой», которые помогают установить общность их культурной памяти, политических и идеологических позиций.

3) **поэтическая** функция, в большей степени, выступающая в качестве развлекательной, имеет своей целью распознавание интертекстуальных ссылок в форме игры. Это самая распространенная функция. Примеров в тексте Акунина масса:

« - У, затворники, старосветские помещики!»

«А следом, шурша духами и туманами, уже наплывала блистательная *Изабелла Марченко*».

4) **референтивная**, функция которая представляет собой передачу информации о внешнем мире – когда отсылка к иному тексту напоминает информацию, которая содержится в этом «внешнем» тексте. Степень включенности этой информации варьируется от напоминания о том, что на эту тему высказывался тот или иной автор, до рассмотрения всего, что хранится в памяти о идее предшествующего текста, форме ее выражения, стилистике, аргументации, эмоциях при его восприятии.

5) **метатекстовая**, где для понимания фрагмента-ссылки есть необходимость определения толкования опознанного фрагмента при помощи первоначального текста. Другими словами, эта функция проявляется

в прерывании чтения и возвращении к тексту исходному. Приведем пример метатекстовой функции в романе Б. Акунина: *«Он с трудом сдержал улыбку, представив этот «свет»: вчерашних завмагов, райкомовских работников и бухгалтеров, изображающих из себя салон Анны Павловны Шерер».*

Здесь мы видим, что для глубокого понимания необходимо вспомнить о специфике салона Анны Павловны. Автор упоминает его с целью создания иронии, показывая общество, которое пытается тянуться к светским манерам и установленным правилам.

Интертекстуальные проявления бывают языковыми и текстовыми. Языковые предполагают наличие в тексте элементов разных функциональных стилей. Текстовые проявления интертекстуальности – наличие реминисценций, аллюзий и цитат. Разграничим эти понятия.

Цитата – это воспроизведение компонентов исходного текста с сохранением установленной структуры. Цитата сопровождается ссылкой на источник цитации.

Аллюзия – заимствование определенных элементов исходного текста, по которым происходит их узнавание в новом тексте. В случае аллюзии заимствование элементов происходит выборочно, а целое высказывание или строка исходного текста, соотносимые с новым текстом, присутствуют в последнем скрытно. Помимо этого, под **аллюзией** понимается риторическая фигура - отсылка не к тексту, а к некоторому событию из жизни другого автора, которое безусловно узнаваемо.

Реминисценция – ассоциативная отсылка к определенному опорному тексту.

Подробнее остановимся на рассмотрении примеров интертекстуальных взаимодействий в романе «Внеклассное чтение» в виде цитат. Выделим несколько групп цитат в зависимости от их источника: **1.** Цитаты из художественных произведений русских авторов, например: Тяжелая оказия –

быть взрослой дочери отцом (А.С.Грибоедов «Горе от ума»: «Что за комиссия, Создатель, быть взрослой дочери отцом»); 2. Цитаты из высказываний и работ исторических лиц: Как писал Карл Маркс, ничто человеческое мне не чуждо; 3. Цитаты из библейских текстов: Все понял, все сделаю. Мне отмщение и аз воздам!

Далее перейдем к **уровням восприятия интертекстуальных связей:**

- **поверхностный** – здесь затрагивается только та часть заимствуемого текста, которая воспроизводится или активизируется ссылкой; непонимание таких ссылок аудиторией не влечет за собой непонимания всего текста или его значительных фрагментов.

- **глубинный** – связи, устанавливаемые в рамках целого текста, как правило, имеют несколько уровней смысла и образуют отношения с источником на уровне ключевой идеи. Неустановление таких связей читателем приводит к серьезным смысловым пробелам и, возможно, ложному пониманию концепции всего текста.

На принципе интертекстуальности основывается неразрывность текстов культуры. Это значит, что неразрывность, целостность текстов возникает в том случае, когда тексты связаны друг с другом или вступают в отношения, которые и составляют, в свою очередь, связную, совокупную культуру. Поэтому исследователи считают важным в первую очередь изучение текстов, включенных в культурный контекст.

Итак, интертекстуальность состоит в том, что меняются субъекты речи, а благодаря этому текст оказывается звеном в общей цепи культурного общения человечества. Попутно может меняться и обращенность высказывания, а это в свою очередь может быть связано с экспрессивностью речи. Масштабы интертекстуальности могут быть очень различными и колебаться от реминисценций, аллюзий и цитат до включения целостных больших текстов в виде произведений, принадлежащих перу персонажей их

писем, дневников или целых написанных ими романов. Интертекст рассматривается как свидетельство творческого диалога авторов (литературоведческий аспект), как отражение безграничного текстового пространства (философский постструктуралистский взгляд), как лингвистическая единица, выражающая присутствие части одного текста в другом (лингвистический аспект).

Заимствования из других текстов - явление не новое, оно свойственно и классической литературе (для русской литературы это прежде всего - ссылки на Библию). Но именно в конце XX - начале XXI вв., в русле литературы постмодернизма, явление обрело такую масштабность, что без интерпретации интертекстуальных ссылок понимание произведения становится невозможным.

Явление интертекстуальности необходимо учитывать как преподавателю словесности при изучении произведений, так и исследователям-филологам, а также и авторам при написании собственных произведений.

Задание на дом — написать текст любого жанра с интертекстуальными включениями.

Список использованной литературы

1. Акунин, Б. Алмазная колесница: в 2 т. / Б. Акунин.- М.: Захаров, 2003. — Т.1.-171 с.
2. Акунин, Б. Алмазная колесница: в 2 т. / Б. Акунин. — М.: Захаров, 2003. — Т.2. 543 с.
3. Акунин Б. Внеклассное чтение: Роман. Т. 1. – ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 382 с.
4. Акунин Б. Внеклассное чтение: Роман. Т. 2. – ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 379 с.
5. Арнольд И.В. Проблемы интертекстуальности // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. История. Языкознание. Литературоведение. – 1992. – Вып.4. – С. 53-61.
6. Арутюнова Н.Д. Диалогическая цитация (к проблеме чужой речи) // Вопр. языкознания. – 1986. - №1. – С. 50-64.
7. Ахманова О.С., Гюббент И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопр. языкознания. – 1977. - №3. – С. 47-54.
8. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004.- 464 с.
9. Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 417-422.
- 10.Бахтин М.М. Слово в романе // М.М. Бахтин Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худ. литература, 1975. –

С.72-233.

11. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Иск-во, 1986. – 445с.
12. Белозерова Н.Н. Интегративная поэтика. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 1999. – 205 с.
13. Бельская Л.Л. Цитата или «цикада» // Рус.речь. – 1991. - №1. – С. 10-
14. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. - М.: Флинта: Наука, 2007. — 520 с. — 3-е изд., испр. и доп.
15. Бомарше П. Драматическая филология / Пер. Н.М. Любимова; Предисл. и примеч. Л.А. Зониной. – М.: Моск. рабочий, 1982. – 317с.
16. Бразговская Е.Е. Текст в пространстве культуры. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т. 2001. – 114 с.
17. Бунин И.А. Грамматика любви: Рассказы. / Сост. В.Д. Шинаренко. Коммент. А.К. Баборенко, А.А. Саакянц. – Красноярск: Кн. изд-во, 1988. – 406 с.
18. Васильев А.Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены: учебное пособие / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2010. – 176 с.
19. Гальперин И.Р. О понятии «текст» // Вопр. языкознания. 1974.- №6. – С. 68-77.
20. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
21. Гиляровский В. Москва и москвичи. – М.: Худож. лит., 1981. – 383 с.

22. Державин Г.Р. Сочинения / Сост., биогр. очерк и коммент. И.И.Подольской. – М.: Правда, 1985. – 576 с.
23. Джанджакова Е.В. Об использовании цитат в заглавиях художественных произведений // Структура и семантика текста: Межвуз. сб. научн. трудов. – Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та, 1988. – С.30-37.
24. Диккенс Ч. Большие надежды: Роман / Пер. с англ. М. Лорие. – М.: Худож. лит., 1987. – 384 с.
25. Достоевский Ф.М. Бедные люди. Повести. – Ленинградский отдел: Худож. лит., 1983. – 325 с.
26. Джанджакова Е.В. Литературные цитаты в рассказе А.П. Чехова «Ведьма» // Язык как творчество: Сб. статей к 70-летию В.П. Григорьева. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – С. 256 – 261.
27. Жирмунский В.М. Анна Ахматова и Александр Блок // В.М.Жирмунский. Избр. труды: Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Л.: Наука, 1996. – С. 157-168.
28. Жолковский А.К. Блуждающие сны. – М.: Наука, 1984. – 428 с.
29. Жолковский А.К. В минус первом и минус втором зеркале. Т. Толстая, В.Ерофеев – ахматовиана и архетипы // Лит. обозрение. – 1995. - №6. – С. 25-41.
30. Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопр. языкознания. – 1996. - №3. С. 23-31.
31. Земская Е.А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика, стилистика, язык и культура. – М.:

Наука, 1996. – С.157-168.

32. Золян С.Т. О семантике поэтической цитаты // Проблемы структурной лингвистики: Сб. научн. трудов 1985-1987. – М.: Наука, 1987. – 262 с.
33. Исрапова Ф.Х. Конструкции «текст в тексте» в свете теории поэтической авторефлексивности // Текст. Интертекст. Культура: Материалы междун. науч. конференции. – М.: Азбуковник, 2001. С. 68-70.
34. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Просвещение, 1973. – 288 с.
35. Кожевникова Н.А. «Чужое слово» в романах И.С.Тургенева // Поэтика, стилистика, язык, культура. – М.: Наука, 1996. – С. 53-60.
36. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык и творчество: Сб. статей к 70-летию В.П. Григорьева. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – С. 297-302.
37. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и коммуникация // Вестн. Моск. Ун-та. Сер.9. Филология. 1997. – Вып. 3. – С. 62-75.
38. Крейдлин Г.Е. Структура афоризма // Проблемы структурной лингвистики: Сб. научн. трудов 1985-1987. – М.: Наука, 1989. – С. 196-205.
39. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Вестн. Моск. ун-та. Сер.9. – 1995. - №1. – С. 98-99.
40. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции

поэтического языка. – Екатеринбург: Изд-во урал. ун-та – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та. 1999. – 268 с.

41. Кузьмина Н.А. Художественный перевод как интертекстуальный феномен // Текст. Интертекст. Культура: Материалы междун. науч. конференции. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 77-80.
42. Лакло Ш. Опасные связи / Пер. с фр. Н.Рыковой; Вступ. ст. В.Никитина. – М.: Худож.лит., 1992. – 318 с.
43. Лаптева О.А. Стилистические приемы создания языковой иронии в современном газетном тексте // Поэтика, стилистика, язык, культура. – М.: Наука, 1996. – С. 150-157.
44. Лотман Ю.М. Текст в тексте / Ю.М. Лотман. Избранные статьи. – Таллин: Александра, 1992. – С. 148-162.
45. Лотман Ю.М. Текст и структура аудитории / Ю.М. Лотман. Избранные статьи. – Таллин: Александра, 1992. – С. 161-166.
46. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
47. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. – Свердловск: Изд-во Свердл. ун-та, 1990. – 172 с.
48. Машкова Л.А. Аллюзивность как категория вертикального контекста // Вестн. Моск. ун-та. – 1989. – Вып. 2. – С. 25-33.
49. Мильтон Дж. Потерянный рай / Пер. с англ. Арк. Штейнберга; Вступ. ст. А.Аникста; Коммент. И.Одаховской. – М.: Худож. лит., 1982. – 414 с.
50. Минц З.Г. Функции реминисценции в поэтике А.Блока // Труды по

- знаковым системам VI: Сб. науч. статей в честь М.М. Бахтина (к 75-летию со дня рождения). – Тарту, 1973. – С. 387-417.
51. Мольер Ж.Б. Полное собрание сочинений в 3 т. Т. 2. – М.: Искусство, 1986. – 461 с.
52. Набоков В. Истребление тиранов: Избр. проза / Сост. Б.И. Саченко; Вступ. ст. О.Н. Михайлова. – Мн.: Маст. літ., 1990. – 640 с.
53. Олизько Н.С. Интертекстуальный анализ художественного произведения. – Челябинск: Энциклопедия, 2008. – 164 с.
54. Петрова Н.В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования (на материале англо-американских коротких рассказов): Автореф. дис. докт. филол. наук. - Волгоград, 2005. - 31 с.
55. Пушкин А.С. Сочинения в 3 т. Т. 3. Проза. – М.: Худож. лит., 1987. – 528 с.
56. Ревзина О.Г. Лингвистические основы интертекстуальности // Текст. Интертекст. Культура: Материалы междунауч. конференции. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 60-63.
57. Ремарк Э.М. Собрание сочинений в 11 т. Т. 8. – М.: АО «ВИТА – ЦЕНТР», 1992. – 192 с.
58. Солодуб Ю.П. Интертекстуальность как лингвистическая проблема // Филолог. науки. – 2000. - №2. – С. 51-57.
59. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковые явления // Вопр. языкознания. – 1995. - №6. – С. 17-29.
60. Тименчик Р.Д. Чужое слово у Ахматовой // Рус. речь – 1989. - №3. – С. 33-36.

61. Толстой Л.Н. Повести. Рассказы / Сост., вступ. ст. и коммент. И.И. Виноградова. – М.: Сов. Россия, 1985. – 512 с.
62. Троицкая А.Н. Интертекстуальный хронотоп готического романа (на материале англоязычных произведений): Автореф. дис. канд. филол. наук. - Спб., 2008. - 18 с.
63. Тургенев И.С. Отцы и дети: Роман. – М.: Сов. Россия, 1985. – 256 с.
64. Уэллс Г. Человек-невидимка: Роман и рассказы / Пер. с англ. Д. Вейса, К. Чуковского, Н. Волжиной и др. – М.: Дет. лит., 1983. – 255 с.
65. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. - М.: КомКнига, 2007. - 280 с.
66. Фатеева Н.А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Изв. АН. Серия литературы и языка. Том 5. – 1997.- №5. – С. 12-21.
67. Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Изв. АН. Серия литературы и языка. Том 57. – 1998.- №5. – С. 25-38.
68. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. – М.: Агар, 2000. – 280 с.
69. Фефилов А.И. Модально-прагматическая интерпретация чужого высказывания // Филолог. науки. – 1991. - №1. – С. 64-73.
70. Фонвизин Д.И. Бригадир; Недоросль; Сатирич. проза; Письма из Петербурга / Вступит ст. и примеч. Ю.В. Стенника. – М.: Сов. Россия, 1987. – 272 с.

71. Хаксли О. О дивный новый мир: Английская антиутопия. Романы: Сборник: Пер. с англ. / Сост., авт. предисл. А.П. Шишкин. – М.: Прогресс, 1990. – 640 с.
72. Христенко И.С. К истории термина «аллюзия» // Вестн. Моск. ун-та. Сер.9. Филология. 1992. Вып.6. – С.38-44.
73. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Т. 8. М.: Наука, 1977.
74. Шекспир В. Собрание сочинений в 8 т. Т. 5. М.: Интербук, 1993. – 494 с.
75. Шекспир В. Комедии. Пер. с англ. М.: Худож. лит., 1979. – 366 с.
76. Шиллер Ф. Разбойники. Коварство и любовь: Драмы / Пер. с нем.; Предисл. С.Тураева; коммент. А. Гугнина; М.: Дет. лит., 1985. – 208с.
77. Шульская О.В. Метатекстовые элементы и автоцитаты в поэзии А. Межирова // Текст. Интертекст. Культура: Материалы междун. конференции. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 70-73.
78. Якобсон Р.О. Избранные работы по лингвистике. БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – 450 с.